

— Чёрт возьми, я же сказал тебе замолчать! Заткнись!

Гу Цинфэн вцепился пальцами в собственное горло, пытаясь подавить рвотные позывы, но желудок продолжал судорожно сжиматься.

— Братец, не злись. Я сохранил шкуру, на днях пришлю тебе — пусть будет на память.

Гу Цинфэн сделал несколько глубоких вдохов, чтобы унять тошноту, и постарался ответить как можно спокойнее:

— Цинчэн, родители от меня отказались, друзья отвернулись, Чэн Цзиньнянь со мной развелся, у меня больше ничего не осталось. Чего ты еще хочешь?

— Разве у тебя не осталась жизнь? Этого как раз хватит, чтобы я успел вдоволь наиграться.

Гу Цинфэн подумал, что самое большое сожаление в его жизни — это то, что он появился на свет из той же утробы, что и Гу Цинчэн. Лишь потому, что он родился на три минуты раньше, всё остальное стало его виной.

012 Если бы ты тогда действительно умер

Посылка от Гу Цинчэна с собачьей шкурой пришла неделю спустя.

В тот день Гу Цинфэн впервые за долгое время выбрался в город за покупками. С тех пор как Чэн Цзиньнянь выгнал его, он заперся в этой комнате, редко даже шторы раздвигал. Он опустился, словно выброшенный котенок, сжавшись в углу и живя в вечном мраке.

Гу Цинфэн понимал, что так продолжаться не может, нужно взять себя в руки, ведь даже если он будет умирать от горя, никто не пожалеет его.

Погода выдалась на редкость хорошей, и Гу Цинфэн с самого утра привел себя в порядок и вышел из дома. Сначала он подстриг отросшие за время безделья волосы, а потом отправился в торговый центр. На обратном пути он купил овощей, мечтая приготовить себе нормальный ужин. С тех пор как он покинул тот дом, он не съел ни одного нормального блюда.

У него были отличные планы, и настроение было неплохим, но, вернувшись, он обнаружил у двери ту самую коробку. Белоснежная шерсть, испачканная пятнами крови, сиротливо лежала в изысканной упаковке.

Открыв коробку, Гу Цинфэн отпрянул на несколько шагов назад, а затем, прислонившись к стене, его вырвало.

Это был красавец-самоед, которого он выпросил у Чэн Цзиньняня на день рождения. Когда Чэн Цзиньнянь подарил его, щенок был совсем крошечным, едва исполнился месяц. Гу Цинфэн заботился о нем, как о родном ребенке, и назвал Чэн Доудоу — в честь Чэн Цзиньняня.

Доудоу прожил у него всего год, прежде чем пал жертвой жестокости Гу Цинчэна. Гу Цинчэн был коварен: он заметил собаку, как только та появилась в доме, но не стал убивать сразу. Он ждал целый год, пока Гу Цинфэн привяжется к животному всей душой, а когда они стали неразлучны, приказал убить пса.

Гу Цинфэн не видел, как умирал Доудоу. Позже Гу Цинчэн сказал ему:

— Братец, я смотрел, как он умирает. А почему? Да потому что ты родился на три минуты раньше меня и потому что ты здоровее.

Гу Цинчэн не стал использовать яд — он заколол Доудоу ножом. В тот день, слушая эти слова, Гу Цинфэн чувствовал, будто ножи вонзаются в него самого. Но самое страшное было не это. Гу Цинчэн приказал содрать с собаки шкуру, а мясо и кости сварить на кухне. Тогда Гу Цинфэн еще не знал о такой патологической жестокости брата и, когда тот принес ему миску мясного супа, искренне поблагодарил его. Гу Цинчэн сказал, что это свиные кости, но, попробовав, Гу Цинфэн понял правду.

Он не помнил своей реакции в тот день, но навсегда запомнил улыбку Гу Цинчэна. Спустя столько лет этот смех всё еще звучал в его ушах. Многие ночи он просыпался от кошмаров, его тело сводило судорогой, а к горлу подступала тошнота.

Гу Цинфэн отчаянно пытался забыть об этом, но Гу Цинчэн снова прислал ему шкуру Доудоу.

Промучившись от рвоты, пока не вышла желчь, Гу Цинфэн позвонил брату. Тот ответил быстро:

— Алло, братец, подарок получил?

Гу Цинфэн сжал телефон:

— Я жалею лишь о том, что, когда ты упал с лестницы, я не добавил тебе пинка, чтобы ты сдох окончательно. Если бы ты тогда умер, всё было бы чисто.

013 Я еще не настолько опустился

В словесных перепалках Гу Цинфэн никогда не был соперником Гу Цинчэну. Услышав его слова, тот лишь на пару секунд замолчал, а затем рассмеялся:

— Но я жив, а значит, мучиться приходится тебе. Не волнуйся, я не такой бессердечный, как ты. В конце концов, ты мой брат, и я пока не готов смотреть, как ты умираешь.

Повесив трубку, Гу Цинфэн осел на пол. Вспоминая свое болезненное прошлое, он почувствовал, как грудь сдавило тяжестью, от которой невозможно было вздохнуть. Неизвестно, сколько он так просидел, пока свет в коридоре то загорался, то гас.

Наконец, соседка из квартиры напротив, увидев его на полу, испуганно спросила:

— Молодой человек, с вами всё в порядке?

Гу Цинфэн, услышав шум, прикрыл коробку крышкой и, повернувшись к женщине, улыбнулся:

— Всё хорошо, просто немного упал сахар.

— Сходите домой, выпейте сладкого чая, лицо у вас совсем бледное, — посоветовала она и хотела помочь ему подняться, но Гу Цинфэн опередил её, встал, подхватил пакет и ответил:

— Я справлюсь, спасибо, идите по своим делам.

Женщина с сомнением посмотрела на него, но больше ничего не сказала. Гу Цинфэн ввел код, толкнул дверь и вошел, не забыв прихватить коробку с собой.

*

В конце концов, не в силах вынести этого, Гу Цинфэн нашел место и похоронил шкуру Доудоу.

Когда он возвращался с кладбища, начался дождь. Поймать машину было невозможно. Он стоял на обочине, прикрывая ладонью лоб от дождя, и махал проезжающим мимо автомобилям.

Прошло полчаса, он промок до нитки, но так ничего и не добился. Когда он уже хотел сдаться и пойти пешком, перед ним затормозил черный Майбах.

Увидев машину, Гу Цинфэн остолбенел — он слишком хорошо её знал. Стекло опустилось, и он увидел Чэн Цзиньняня. Тот смерил его взглядом и недовольно бросил:

— Садись!

Гу Цинфэн хотел отказаться, но дождь усиливался, и, стиснув зубы, он сел в машину. Не успел он устроиться, как Чэн Цзиньнянь резко нажал на газ. Гу Цинфэн качнулся и ударился о

переднее сиденье.

Чэн Цзиньнянь посмотрел на него через зеркало заднего вида и усмехнулся:

— В нижнем ящике есть полотенце. Не испачкай мою машину своей водой, ты слишком грязный.

Гу Цинфэн промолчал, закусил губу и, достав из ящика чистое белое полотенце, начал вытираться. Ему хотелось спросить, раз он такой грязный, зачем было позволять ему садиться, но он знал, что Чэн Цзиньнянь либо не ответит, либо снова его высмеет.

Всю дорогу они молчали. Лишь въехав в город, Чэн Цзиньнянь заговорил:

— В эти выходные у нас с Цинчэном помолвка. Ты в курсе?

Сердце Гу Цинфэна сжалось.

— Угу.

— Не приходи туда! — приказал Чэн Цзиньнянь.

Это была не просьба, а приказ. Гу Цинфэн вспомнил приглашение, которое получил, и горько усмехнулся:

— Гу Цинчэн не боится, чего же боишься ты, Чэн Цзиньнянь?

Чэн Цзиньнянь крепче сжал руль:

— Я сказал не приходить, значит, не приходи. Ты по-русски понимаешь?

Гу Цинфэн слабо улыбнулся:

— Не надо на меня кричать. Я еще не настолько опустился, чтобы лезть на вашу помолвку и смотреть на двух этих кобелей.

014 Вы должно быть что-то перепутали!

Чэн Цзиньнянь проявил остатки мужского достоинства и не высадил Гу Цинфэна посреди дороги. Вернувшись домой, тот первым делом принял душ и переоделся. Вспоминая слова Чэн Цзиньняня, он лишь беззвучно усмехнулся.

Оказалось, что жизнь в одиночестве не так уж и плоха. Последние два дня он заметил, что стал ложиться и вставать раньше, аппетит улучшился, а еще его постоянно клонило в сон, и он обязательно спал днем. Хотя он не понимал, почему его периодически тошнит, и даже начал подозревать, что подхватил какую-то болезнь.

Он был слишком молод, чтобы умирать, поэтому, когда приступы тошноты участились, он отправился в больницу. После утренних обследований он проголодался и перекусил в ближайшем кафе, а после обеда вернулся за результатами.

Когда медсестра сказала ему идти в отделение гинекологии, Гу Цинфэн замер:

— Медсестра, я мужчина.

— Я знаю, — удивленно ответила та, — но врач дал именно такие указания.

Делать было нечего, и Гу Цинфэн отправился в очередь к гинекологу, выделяясь среди беременных женщин и пациенток. Несколько женщин спросили, пришел ли он за лекарствами для девушки, и ему пришлось кивнуть.

Когда подошла его очередь, он вошел в кабинет и застыл: за столом сидел тот самый мужчина, который подвозил его домой, когда Чэн Цзиньнянь выгнал его. Кажется, его тоже звали Чэн.

Мужчина узнал его и указал на стул:

— Присаживайся.

Гу Цинфэн тревожно сел. Мужчина улыбнулся:

— Я... Чэн Но, помнишь?

Гу Цинфэн кивнул:

— Помню. Не ожидал, что вы врач. Простите, что не поблагодарил вас в прошлый раз.

— Не стоит, это пустяки. Хотя я тоже не думал, что мы встретимся при таких обстоятельствах.

Гу Цинфэн неловко улыбнулся. Чэн Но перешел к делу:

— Покажи результаты анализов.

Он взял листы, просмотрел их и нахмурился. Гу Цинфэн занервничал:

— У меня что, какая-то смертельная болезнь? Ничего, говорите прямо, не нужно скрывать.

Чэн Но кашлянул:

— Не смертельная. Но то, что я скажу, может показаться странным, надеюсь, ты примешь это спокойно.

— Говорите.

— Ты беременен.

Гу Цинфэн остолбенел и вскочил со стула:

— Что вы сказали?

— Я понимаю, что в это трудно поверить, но анализы подтверждают: ты беременен.

Гу Цинфэн в ужасе смотрел на него:

— Это невозможно! Я мужчина, как я могу быть беременным? Это бред, вы что-то перепутали!

Его снова затошнило, и Чэн Но указал на дверь:

— Там есть туалет.

Гу Цинфэн бросился туда и склонился над раковиной.

015 Можно мне не оставлять этого ребенка?

Как только его перестало тошнить, перед ним возник бумажный стакан с водой.

— Прополощи рот, — сказал Чэн Но.

Гу Цинфэн поблагодарил его.

— Еще плохо? — спросил врач.

— Уже лучше, спасибо.

— Не стоит постоянно благодарить. Иди сюда, я проведу осмотр.

Вернувшись, Гу Цинфэн уже не был так напуган, хотя всё еще не верил. Чэн Но уложил его на кушетку:

— Задери одежду. Если не веришь, я покажу.

Чэн Но нанес на его живот холодный гель и начал водить датчиком. Он указал на маленькую точку на экране:

— Видишь? Вот здесь малыш. Он еще совсем крошечный, через пару месяцев он подрастет, и его будет хорошо видно.

Гу Цинфэн впился взглядом в точку, чувствуя, что это какой-то сюрреализм. После осмотра Чэн Но помог ему вытереться:

— Вставай.

Гу Цинфэн оделся, а Чэн Но подошел к компьютеру и что-то записал.

— Можно мне не оставлять этого ребенка? — спросил Гу Цинфэн.

Чэн Но замер:

— Ты не хочешь его?

Гу Цинфэн помедлил и кивнул. Если бы он всё еще был с Чэн Цзиньнянем, возможно, он бы оставил ребенка. Но теперь, когда Чэн Цзиньнянь ушел, он не хотел растить плод этой любви. Эгоистично это или нет, но он был один, едва мог прокормить себя, и рождение ребенка стало бы для него мучением.

Чэн Но задумался:

— Если ты уверен, я назначу операцию.

— Да, спасибо.

Чэн Но улыбнулся:

— Ты действительно любишь говорить спасибо.

— Когда можно сделать операцию?

Чэн Но взглянул на карту:

— Не раньше следующей недели. Твой организм ослаблен, я советую немного окрепнуть, операция — это большой стресс.

— Хорошо.

Чэн Но отдал ему карту:

— Я выписал витамины, попей их несколько дней. Приходи на следующей неделе, тогда и определимся с датой.

— Угу.

Чэн Но дал ему визитку:

— Это мой номер. Перед тем как прийти, позвони, чтобы убедиться, что я на смене.

Поблагодарив врача еще раз, Гу Цинфэн ушел.

*

Домой он вернулся, когда уже стемнело. Его снова вырвало, и он без сил повалился на диван. Телефон разрывался от звонков — если бы не настойчивость звонившего, он бы не стал отвечать.

— Алло, — ответил он, не глядя на экран.

— А я уж подумал, ты так меня боишься, что больше не возьмешь трубку.

Гу Цинфэн вздрогнул:

— Гу Цинчэн?

— Я.

— Зачем ты снова звонишь?

— Завтра наша помолвка, ты обязан прийти.

016 Ты теперь безработный бродяга

Вспомнив обещание, данное Чэн Цзиньняню, Гу Цинфэн отрезал:

— Я не приду.

— Что, боишься?

Гу Цинфэн чувствовал себя отвратительно и не хотел продолжать разговор.

— Еще что-то? Если нет, я кладу трубку.

Он сбросил вызов и выключил телефон, не дожидаясь реакции брата. Зная Гу Цинчэна, тот звонил бы до бесконечности. В квартире воцарилась тишина.

Гу Цинфэн завернулся в плед и уснул прямо на диване. Проснулся он, когда за окном уже светало. Не зря говорят, что беременные много спят — сон был долгим.

От сна на диване всё тело затекло. Гу Цинфэн пять минут приходил в себя, а затем пошел умываться и готовить завтрак. Только он закончил, как на пороге появились незваные гости: его мать, госпожа Гу, и брат, Гу Цинчэн.

Гу Цинфэн смотрел на «родственников», которых не видел целую вечность, и не знал, что сказать. И еще меньше он понимал, зачем им приходиться к нему в день помолвки с Чэн Цзиньнянем.

— Хотите чего-нибудь? Воды или чаю? — спросил он.

Гу Цинчэн сладко улыбнулся:

— Братец, я хочу сока.

У Гу Цинфэна дернулся глаз:

— В доме нет сока.

— Нет? — расстроился Цинчэн. — Тогда чаю.

Гу Цинфэн посмотрел на мать. Та ответила с нескрываемым презрением:

— Мне того же, что и Цинчэну.

Гу Цинфэн поплелся на кухню. Он намеренно возился подольше, надеясь, что они уйдут, но, вернувшись с чашками, обнаружил их всё там же. Они с любопытством осматривали его комнату.

Когда Гу Цинчэн бросил: «Я бы и за деньги не стал жить в такой дыре», Гу Цинфэн не выдержал:

— Вы зачем пришли?

— У нас с Цзиньнянем сегодня помолвка, — улыбнулся Гу Цинчэн. — Мы с мамой зашли за тобой. В конце концов, это такой важный день, как ты, старший брат, можешь пропустить?

— Я же сказал вчера: я не приду, у меня нет времени.

<http://bllate.org/book/20420/2039747>